

Великие даты, или Как государственная политика памяти конструирует историю

Виктор Шнирельман

Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2022-328). Она была написана на рубеже 2020–2021 годов и впервые представлена в качестве доклада на конференции «Забыть и вспомнить: формы и границы советской памяти», организованной Институтом этнологии и антропологии Российской академии наук, Московской высшей школой социальных и экономических наук, Москва, 1–6 февраля 2021 года.

Виктор Шнирельман. Институт этнологии и антропологии РАН (ИЭА РАН), Москва, Россия, shnirv@mail.ru.

Главным заказчиком и актором политики памяти является государство. Именно оно заботится о составлении стандартного списка знаковых исторических событий и значимых исторических личностей. В связи с этим возникают следующие вопросы: как в советское и постсоветское время выглядел ряд исторических событий, подлежащих увековечиванию и пропаганде, как и по каким критериям производился отбор исторических личностей и событий, какие именно особенности государственной политики подчеркивали эти образы, как в этой политике памяти выражалось отношение власти к роли личности и народных масс в истории, как в ней отражался гендерный момент, наконец, какое влияние на нее оказывало отношение власти к религии? Яркими примерами официальной политики памяти служат беседка в Нескучном саду, поставленная в 1951 году в честь 800-летия Москвы, и художественное оформление Боровицкой площади с примыкающим к ней Александровским садом, возникшее уже в 2010-х годах. В процессе их описания обнаруживаются общие черты — акцент на решении политических проблем с помощью вооруженной силы (война или революция), ярко выраженная маскулинность и акцент на славных военных победах, что, безусловно, свидетельствует о позитивном отношении власти к войне и армии и отражается в милитаризации истории. Однако между ними есть и различия — в отношении к истории, религии, революции, войне и роли народных масс в истории, — которые характеризуют политику двух государств. На этих примерах анализируются особенности советской и постсоветской мемориальных культур. Подчеркивается архаизация мышления и общественного дискурса, характерная для постсоветского периода.

Ключевые слова: политика памяти; Россия; Москва; исторические личности; гендер; война.

ГЛАВНЫМ и самым влиятельным субъектом формирования и поддержания социальной памяти служит государство, в руках которого находятся и интересам которого служат мощные рычаги ее конструирования и контроля за ней. В зависимости от политического устройства государство может по-разному влиять на выстраивание картины прошлого: через систему всеобщего образования и образовательные стандарты, практики селекции и хранения информации в архивах и библиотеках, утверждение и финансирование государственных праздников, организацию особых ритуалов, свержение с пьедестала одних и установку других памятников, создание мемориальных комплексов, государственную поддержку деятельности тех или иных музеев, создание государственной символики, спонсирование каналов пропаганды (телевидение, киноиндустрия, и пр.) и т. д.¹ При этом образ национальной (государственной) истории является продуктом деятельности и воображения среднего класса и интеллигенции и связанных с ними институтов (СМИ, школа, наука, музеи, кинопродукция, театральные постановки, художественное производство, включая художественное оформление городов, и пр.).

Государство играет огромную роль в создании того, что Пьер Нора назвал «местами памяти», то есть в отборе ключевых событий прошлого, которым «национальная история» придает особый смысл². Обозначив такие события, государство делает все, чтобы закрепить их в памяти общественности, причем в нужной государству версии. Эти события входят в школьные учебники истории, освещаются СМИ, отражаются в произведениях искусства и внедряются в массовое сознание с помощью топонимики, кинопродукции, памятников историческим событиям и историческим деятелям, а также плакатов. Иногда они изображаются на денежных знаках. Некоторые из этих событий становятся основой национальных праздников. В ряде случаев государство при-

1. Копосов Н. Память старого режима: история и политика в России. М.: Новое литературное обозрение, 2011; Шнирельман В. Социальная память — вопросы теории // Историческая память и российская идентичность. М.: РАН, 2018. С. 23–24.

2. Nora P. Between Memory and History: Les Lieux de Mémoire // Representations. 1989. Vol. 26. P. 7–24.

бегают к такому крайнему инструменту, как «историческая политика», которая в последние десятилетия входит в моду³.

Именно государство во имя нужного ему «Большого Нарратива» заботится о составлении стандартного списка знаковых исторических событий и значимых исторических личностей. Некоторые из последних объявляются «героями» и память о них подлежит увековечиванию, другие признаются «антигероями», и их имена либо должны быть вымараны из книги памяти, либо, напротив, сохраняются в назидание потомкам в качестве негативного примера. В СССР такой список был выработан во второй половине 1930-х годов и практически в неизменном виде сохранился до момента распада страны. В постсоветское время он был подвергнут ревизии, причем по-разному и в разной степени — в 1990-х и в 2000-х — 2010-х годах.

В СССР огромную роль играла государственная идеология, которая не оставалась неизменной. Во второй половине 1930-х годов происходил сдвиг к русско-советскому национализму. Теперь повестку дня стала определять державно-патриотическая идея⁴, и, словами Наума Коржавина, наступила пора перейти от «ностальгической романтики интернационализма и мировой революции» к «ощущению вечности и родины»⁵. Вновь на сцену вышла длинная история с ее героикой, и был сконструирован пантеон героев и задан канон знаковых исторических событий. Они были отточены и огранены в годы Великой Отечественной войны. С 1940-х годов подобный образ прошлого неизменно присутствовал в мемориальной политике и включался в учебники истории. На переднем плане были героизация и прославление, в особенности если это касалось революционеров и революционных событий, а также советской политики, тру-

3. Миллер А. И., Липман М. (ред.). Историческая политика в XXI веке. М.: Новое литературное обозрение, 2012; Миллер А. Политика памяти в посткоммунистической Европе и ее воздействие на европейскую культуру памяти // Полития. 2016. № 1. С. 111–121.

4. Ганелин Р. Сталин и советская историография предвоенных лет // Новый часовой. 1998. № 6–7. С. 102–103; Бордюгов Г., Бухараев В. Национальная историческая мысль в условиях советского времени // Национальные истории в советском и постсоветских государствах. М.: АИРО-XX, 1999. С. 29; Дубровский А. Историк и власть. Историческая наука в СССР и концепция феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.). Брянск: Брянский гос. ун-т, 2005. С. 23–25, 48–50, 249–250.

5. См.: Коржавин Н. В соблазнах кровавой эпохи // Новый мир. 1992. № 7. С. 154. Впрочем, патриотическая идея в виде «красного патриотизма» появлялась у некоторых видных большевиков еще в 1920-х гг. См.: Дубровский А. Указ. соч. С. 41–42, 47–48.

довых и воинских подвигов. В частности, строительство советских промышленных и гидротехнических сооружений (Магнитка, Челябинский тракторный завод, Днепротэс и пр.) выступало в героическом облике и подавалось как грандиозная победа. Если же речь шла о гибели людей, подчеркивалось, что они погибали за великую идею и жертвы были не напрасны. Такая память должна была вызывать не скорбь и страдание, а душевный подъем и восхищение⁶.

Кроме того, все эти победы подвергались сакрализации, и сомневаться в них, обсуждать их критически было невозможно. Следовательно, и память о них должна была быть, во-первых, памятью возвышенной, памятью о героике, во-вторых, памятью о победе всего советского народа в соответствии с марксистской догмой о том, что историю делают народные массы, и, в-третьих, памятью о победе, непременно требовавшей больших жертв. Причем страдания и оплакивание жертв были неуместны — ведь в соответствии с конструируемым нарративом жизни были отданы за правое дело, за великую идею. Поэтому, например, песня Матвея Блантера и Михаила Исаковского «Враги сожгли родную хату» (1945–1946) была сразу же раскритикована за «упаднические настроения» и вплоть до 1960 года оставалась запрещена к исполнению. Не поощрялась и так называемая окопная правда, начало которой положил Виктор Некрасов повестью «В окопах Сталинграда» (1946) и которая переживала расцвет в годы оттепели. Зато миф о 28 панфиловцах пользовался в СССР официальной поддержкой и входил в учебники как идеальный пример советской героики. Иными словами, в советском мифе в конкуренции триумфа и травмы⁷ неизбежно побеждал триумф. Против этого осмеливались выступать не многие, например Василий Быков со своим альтернативным видением войны. Примечательно, что такие настроения до сих пор преобладают у граждан России. Так, проведенный в апреле 2019 года соцопрос показал, что у 48% респондентов преобладала радость в связи с победой, тогда как скорбь по погибшим испытывали 27%⁸.

6. *Shteynman M. Political Myth and Political Glory: Shaping Media Reality // Russian Sociological Review. 2016. Vol. 15. № 4. P. 96–113; Добренко Е. Поздний сталинизм. Эстетика политики. М.: Новое литературное обозрение, 2020. Т. 1.*

7. *Giesen B. Triumph and Trauma. Boulder, CO; L.: Paradigm Publishers, 2004.*

8. День победы // Левада-Центр*. 30.04.2019. URL: <https://levada.ru/2019/04/30/dep-pobedy-3/>. (* Организация, признанная иностранным средством массовой информации, выполняющим функции иностранного агента.)

Во имя чистоты и незыблемости героического метанарратива замалчивались трагедии, в особенности связанные с деятельностью государственной власти (голод, массовые репрессии и ГУЛАГ, депортация народов, радиационные катастрофы). А борцы с советской властью (от националистов до социалистов), ее критики и диссиденты вычеркивались из истории, как и события, способные нанести ущерб престижу государства (советско-финляндская война, пакт Молотова—Риббентропа и дружба с нацистской Германией на рубеже 1930–1940-х годов, расстрел в Новочеркасске).

Замалчивались и любые сведения о народах, не вписывавшихся в рамки текущей государственной политики. Здесь ярче всего выглядит пример с евреями, политика в отношении которых стала меняться во второй половине 1930-х годов вплоть до резкого обострения во второй половине 1940-х и начале 1950-х годов, когда они фактически перестали считаться отдельным народом и делалось все, чтобы вычеркнуть их из истории⁹. К этому времени были закрыты все их культурные учреждения, в учебниках о них не было упоминаний, холокост игнорировался, а частное преподавание идиша и истории евреев подвергались гонениям. Замалчивались и неприглядные страницы истории, способные повредить советской «дружбе народов» и взаимоотношениям СССР с соседними странами. Так история превращалась в священный политический миф, предназначенный для управления народом. Именно такой героический миф в свое время полюбился Сталину, который противопоставлял его «торгашескому духу», свойственному Западу¹⁰. Некоторые современные авторы называют этот миф антипамятью, под которой понимаются пропагандистские стереотипы, замещающие истинную память¹¹. В такой ситуации неизбежно возникает «когнитивный диссонанс», означающий столкновение двух видов памяти, содержащих трудно совместимые или даже прямо противоположные образы прошлого.

9. Костырченко Г. В плену у красного фараона. М.: Международные отношения, 1994; Он же. Сталин против «космополитов». Власть и еврейская интеллигенция в СССР. М.: РОССПЭН, 2010.

10. Van Ree E. Heroes and Merchants. Stalin's Understanding of National Character // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2007. Vol. 8. № 1. P. 42–44.

11. Быков В. Жестокая правда войны. Воспоминания пехотинца. М.: Родина, 2020; Льюис С. «Партизанская республика»: колониальные мифы и война за память в Беларуси // *Новое литературное обозрение*. 2020. № 6. С. 350–371.

В постсоветской России указанные советские представления сперва подверглись критике, но в начале 2000-х годов снова стали востребованными и были переосмыслены. Современная власть официально отрицает наличие государственной идеологии, и она запрещена Конституцией РФ, но на практике некоторые элементы идеологии обнаруживаются в действиях властей. Правда, если в СССР идеология выступала цельным единым блоком, то сегодня она отличается эклектикой и гибридность. Между тем переход от одного режима к другому требует кардинальной смены метанарратива и системы исторических символов¹². Посмотрим, как этот процесс происходил в современной России, которая столкнулась с неизбежной необходимостью заменить старый исторический миф новым. Под новым мифом здесь понимается тот исторический нарратив, который складывался в последние 20 лет. Сложные и неоднозначные процессы, происходившие в области переосмысления истории в 1990-е годы, здесь не рассматриваются.

Как власть понимает героические образы прошлого

В связи с этим возникают следующие вопросы: как выглядел ряд знаковых исторических событий, подлежащих увековечиванию и пропаганде, как и по каким критериям производился отбор исторических личностей и событий, какие именно особенности государственной политики требовали именно таких образов, как в этой мемориальной политике выражалось отношение власти к роли личности и народных масс в истории, и, наконец, имея в виду жгучую актуальность гендерной проблематики и возрождение религии, как в последней отражался гендерный момент и какое влияние на нее оказывало отношение власти? Далее эти вопросы будут рассмотрены на двух примерах мемориализации из послевоенной советской и современной российской истории — беседки-ротонды в Нескучном саду, сооруженной в 1951 году архитектором Сергеем Иконниковым и скульптором Алексеем Котихиным в честь 800-летия Москвы по указу Сталина от 1947 года, и оформления Боровицкой площади, выполненного в 2010-х годах по инициативе Российского военно-исторического общества и Департамента культуры города Москвы.

12. Gill G. Symbolism and Regime Change: Russia. Cambridge: Cambridge University Press, 2013.

В годы Великой Отечественной войны и сразу после нее неоднократно обсуждались планы создания величественных мемориалов, причем со временем идея жертвы отодвинулась на второй план, а затем и вовсе исчезла, уступив место идее триумфа¹³. Со временем грандиозные планы свелись к возведению скромной беседки-ротонды в Нескучном саду. Хотя праздник по случаю 800-летия столицы был отмечен веселыми народными гуляниями, карнавалом в парке им. Горького и иллюминацией¹⁴, беседка была установлена на самой окраине тогдашней Москвы на месте бывшей усадьбы графини Натальи Голицыной и не должна была создавать конкуренцию господствовавшему в те годы величественному образу Сталина, — и в особенности мешать празднованию его 70-летнего юбилея в декабре 1949 года. Тем не менее беседка стала ярким примером официальной политики памяти, динамика которой хорошо прослеживается при ее сравнении с возникшим уже в 2010-х годах художественным оформлением Боровицкой площади с примыкающим к ней Александровским садом.

Сюжеты, избранные для мемориализации в 1947 году, хотя и касались общероссийской истории, но отражали созданный к тому времени миф о Москве и были так или иначе привязаны к ее истории: основание Москвы князем Юрием Долгоруким (его барельеф с датами жизни) и строительство московского Кремля в 1156 году, битва на Куликовом поле в 1380 году (барельеф Дмитрия Донского, но с акцентом на «оборону Москвы и разгром Мамаея на Куликовом поле»), изгнание поляков из Москвы в 1612 году (памятник Минину и Пожарскому, но с подчеркиванием того факта, что «русский народ освободил Москву от польских интервентов») (рис. 1), Отечественная война 1812 года (барельеф Кутузова, но снова акцентирование роли Москвы, а также «мужества и героизма народа»), две революции — 1905 года (Московские вооруженное восстание) и Октябрь 1917 года (взятие Кремля Красной гвардией, что служило частью важнейшего базисного события и легитимацией советской истории¹⁵ в отличие от Февральской революции, которая свергла самодержавие), 1918–1920 годы («разгром

13. Добренко Е. Поздний сталинизм. Т. 1. С. 211–226.

14. Андреевский Г. Сороковые годы. М.: Московский рабочий, 2001. С. 182–183.

15. Это отражалось в советских песнях: «В каком году мы с вами ни родились, родились мы в семнадцатом году» (песня солдата на стихи Евгения Евтушенко из фильма «На графских развалинах») или «Наша Родина — революция» (песня Александры Пахмутовой на слова Николая Добронравова).

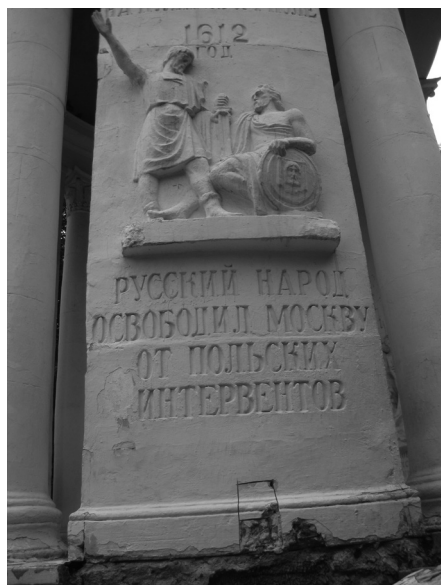

РИСУНОК 1. Барельеф: изгнание поляков из Москвы в 1612 г.

походов Антанты и внутренней контрреволюции на Москву»), 1941 год («героическая оборона Москвы и разгром немецко-фашистской армии под Москвой») (рис. 2), и, наконец, 1945 год («парад Победы над фашистской Германией»). Примечательно, что барельефы, посвященные революциям, Гражданской войне и Великой Отечественной войне, демонстрировали лишь роль народных масс, тогда как их руководители оставались в забвении. Правда, изначально над барельефом с парадом Победы помещалось изображение Сталина, но после XX съезда КПСС, развенчавшего культ личности, его убрали.

Беседка расположена в тихом уголке Москвы в глубине Нескучного сада. Перед ней располагается небольшая площадка с фонтанами, которые давно не работают (рис. 3). По периметру площадки стоят лавочки, и сюда приходят в основном пенсионеры с детьми или влюбленные молодые люди. Бабушкам и дедушкам беседка с ее барельефами мало интересна, а маленьким детям — тем более. Что же касается молодых людей, то они здесь уединяются вовсе не для того, чтобы рассматривать барельефы. Лишь редкие посетители обращают внимание на беседку — обычно это те, кто приходит сюда специально, чтобы посмотреть на нее и ее оформление. Ины-

РИСУНОК 2. Барельеф: разгром немецко-фашистской армии под Москвой

РИСУНОК 3. Беседка в Нескучном саду

ми словами, беседка была поставлена лишь для украшения парка. Никаких публичных мероприятий или народных гуляний здесь, очевидно, не предполагалось.

Совсем иначе выглядит нынешнее оформление Боровицкой площади. С ее западной стороны по инициативе Российского военно-исторического общества и Департамента

культуры города Москвы на торцах трех домов были размещены огромные граффити с изображениями Минина и Пожарского (выполнены уличным художником из Ярославля Ярославом Кашаком с картины Ильи Глазунова) в 2012 году (рис. 4), генерала-фельдмаршала Кутузова в 2017 году (рис. 5) и памятника советскому солдату в Трептов-парке Берлина в 2015 году без какого-либо упоминания народа, но с подписью «Помнит мир спасенный». Весной 2020 года граффити с образом солдата-победителя из Трептов-парка было по инициативе Российского военно-исторического общества заменено изображением Ржевского мемориала, возведенного в 2020 году (рис. 6).

С другой стороны площади в 2016 году был открыт памятник князю Владимиру с огромным крестом в руке, чем сознательно подчеркивалась его роль крестителя Руси (скульптор Салават Шербаков) (рис. 7). Кроме того, в западной части Александровского сада недалеко от памятника князю Владимиру в ноябре 2014 года был открыт монументальный комплекс (скульптор Салават Шербаков, архитектор Игорь Воскресенский), прославляющий роль Александра I в победоносной Отечественной войне 1812 года. Там был поставлен памятник Александру I как победителю¹⁶, а напротив него на высокой плите разместились барельефы, изображавшие связанные с войной знаковые события: Благословение Серафимом Саровским императора (рис. 8), въезд царя в Париж в марте 1814 года; шеренга русских полководцев, список важнейших сражений, включая решающую битву под Лейпцигом (изображено знамя с надписью «С нами Бог»).

При внимательном рассмотрении становится очевиден легендарный характер большинства сюжетов, составляющих миф, в котором нуждается современная власть: князь Владимир не имел никакого отношения к Москве и Московскому княжеству, которых тогда еще не было; благословение царя Серафимом Саровским является известной народной легендой, которая, кстати, относит эту встречу к 1825 году, а значит, она никак не могла быть связана с войной¹⁷; изгнание поляков из Москвы произошло

16. По воспоминаниям современников, сам царь неохотно об этом вспоминал и даже отказался от главного военного ордена, врученного тогда военачальникам — Михаилу Кутузову и Михаилу Барклаю-де-Толли.

17. Первый публикатор легенды, узнавший ее из третьих рук, признавался, что не верил этому. См.: *Поселянин Е. Н.* Преподобный Серафим, Саровский чудотворец и русские подвижники XIX века. М.: Аксиос, 2003. С. 122–127.

РИСУНОК 4. Граффити: Минин и Пожарский

РИСУНОК 5. Граффити: генерал-фельдмаршал
Кутузов

Тем не менее в постсоветской России она неоднократно воспроизводилась различными православными авторами. См., например: Дивеевская тайна и предсказания о Воскрешении России. Преподобный Серафим Саровский Чудотворец. М.: Вече, 2010. С. 89–93. Указанные издания выходили необычно высокими для нашего времени тиражами (10 тысяч экземпляров), что способствовало широкому распространению легенды.

РИСУНОК 6. Граффити: Ржевский мемориал

РИСУНОК 7. Памятник князю Владимиру

не 4 ноября 1612 года, к которому привязан установленный государством новый праздник, а позднее; неоднозначной является победа на Бородинском поле, так как после нее русская армия отступила и Москва была сдана; наконец, Ржевский монумент был открыт в Тверской области 30 июня 2020 года в память о тяжелейшем поражении Со-

РИСУНОК 8. Серафим Саровский
благословляет императора Александра I

РИСУНОК 9. Вереница царей на исторических
выставках в Манеже

ветской армии, потерявшей из-за бездарности командования огромное число бойцов, посланных на верную гибель. И изображение Ржевского мемориала появилось на стене дома только по воле лстивых царедворцев, так как монумент понравился президенту Владимиру Путину, принявшему вместе с президентом Беларуси Александром Лукашенко участие в его торжественном открытии 30 июня 2020 года. Тем не менее в глазах досужего и не слишком образованного зрителя весь этот комплекс воспринимается в тер-

РИСУНОК 10. Аллея правителей

минах героической и победоносной истории. Примечательно, что в своей речи на открытии монумента, подчеркнув огромные потери, Путин сделал акцент на «самоотверженном подвиге солдата-героя, солдата-освободителя, солдата-победителя, солдата, который спас Европу и весь мир от нацизма»¹⁸.

В чем сходства и различия двух рассмотренных образов мемориальной политики? Их сближают следующие черты: 1) решение политических проблем с помощью вооруженной силы¹⁹ (война или революция)²⁰, а не акцент на культуре и науке²¹; 2) ярко выраженная маскулинность²²; 3) акцент

18. Открытие Ржевского мемориала Советскому солдату. 30.06.2020. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/63585>.

19. Об этой российской особенности см.: Гудков Л. Массовая идентичность и институциональное насилие // Вестник общественного мнения. 2003. № 1. С. 28–44; Там же. № 2. С. 35–51; Давыдов И. История без лат. В защиту русской свободы и русской человечности // Московский центр Карнеги. 05.12.2016. URL: <http://carnegie.ru/commentary/?fa=66276>.

20. Это напоминает идеи Сталина, который ценил в народах прежде всего военный героизм. См.: Van Ree E. Op. cit. P. 41–65.

21. Яркими примерами в этих сферах являются: в первом случае Большой Кремлевский дворец, Большой театр, Московский университет, Дом Пашкова – Российская государственная библиотека, Третьяковская галерея, Сергей Соловьев и Василий Ключевский, Музей изобразительных искусств имени Пушкина, а во втором – Юрий Гагарин и С.П. Королев как символы приоритета СССР в завоевании космоса, Игорь Курчатов.

22. Нельзя сказать, что в отечественной истории нет ярких женских персонажей. Так, еще в 1812 г. прославилась старостиха Василиса Кожина, ставшая любимым героем народного лубка, не говоря уже о женщинах, активно участвовавших в революции и Гражданской войне, а затем в Великой Отечественной войне. Существуют известные связанные с ними визуальные об-

на великих военных победах, что, безусловно, свидетельствует о позитивном отношении власти к войне и армии и что отражается в милитаризации истории²³. Можно было бы объяснить повышенный интерес к солдату-победителю из Трептов-парка тем, что в отличие от других памятников Великой Отечественной войне он олицетворяет окончательную победу, но его замена Ржевским мемориалом говорит о другом. Последнее объясняется тем, что тот понравился Путину, очевидно, своей идеей жертвенности во имя Родины, то есть «суицидальным патриотизмом», как это определил один автор, анализирующий современную кинопродукцию²⁴. Иными словами, триумф оказывается важнее трагедии, и это, как отмечалось выше, получает массовую поддержку; 4) полное отсутствие идеи многонациональности государства — если образ народа присутствует, то он представлен однородной нерасчленимой массой, что подчеркивает идею единства и сплочения, отвечающую потребности государства.

Различия заключаются в следующем: 1) отношение к истории: оформление беседки отсылает к истории Москвы, а обрамление Боровицкой площади с примыкающей частью Александровского сада — к общероссийским историческим событиям, 2) отношение к религии: она полностью отсутствует в барельефах беседки (отражая советский атеизм), но обильно представлена на площади — князь Владимир как креститель Руси, армейское знамя с лозунгом «с нами Бог», встреча Александра I с Серафимом Саровским, 3) отношение к революции и войне: сегодня образ революции потускнел, остались лишь две Отечественные войны, которые воспринимаются как войны исключительно освободительные, а не захватнические, хотя и показан въезд царя в Париж, а памятник в Трептов-парке стоит на территории Берли-

разы, например памятник Родины-матери в Волгограде и знаменитый плакат Ираклия Тоидзе «Родина-мать зовет!». О культе маскулинности в современной России см.: *Sperling V. Putin's macho personality cult//Communist and Post-Communist Studies. 2016. Vol. 49. № 1. P. 13–23; Laruelle M. Accusing Russia of Fascism. Polemics around Russia's Belonging to Europe//Russia in Global Affairs. 2020. Vol. 18. №. 4. P. 114.*

23. То же самое заметили и исследователи Вольного исторического общества, работавшие по проекту «Какое прошлое нужно будущему России»: Вольное историческое общество. Какое прошлое нужно будущему России. М.: ВИО, 2017. С. 5.

24. *Тойменцев С. Авторитаризм с человеческим лицом: советский герой в постсоветском байопике//Новое литературное обозрение. 2020. № 5. С. 129–147.*

на, 4) отношение к роли народных масс в истории: в беседе постоянно делается акцент на этом. Например, на рельефах, посвященных революциям или Великой Отечественной войне, изображены только народные массы. Однако в первом случае нет никаких руководителей (они были дискредитированы в годы репрессий и их образы были вымараны из истории²⁵), а во втором, как отмечалось выше, изначально было изображение Сталина, но затем оно было ликвидировано. Причем если в беседе барельефы великих людей сочетаются с народными массами, то на Боровицкой площади последним места вовсе не нашлось. Хотя оба случая относятся к периодам авторитарных режимов, в советское время власть старалась по возможности придерживаться коммунистической идеологии, подчеркивающей ключевую роль народных масс в истории, но в постсоветское время эта идея была отброшена как ненужный хлам. Зато сегодня руководители государства озаботились своим местом в истории²⁶ и появилась потребность в акцентировании роли выдающихся личностей, что фактически подчеркивает идею вождизма.

Иными словами, беседа олицетворяет идею советского демократизма (участие масс в ключевых исторических событиях, особенно в революциях и Великой Отечественной войне), а украшение Боровицкой площади демонстрирует апофеоз авторитарной власти, причем пребывающей под сенью религии. Поэтому теперь победы связываются исключительно с великими историческими личностями. Минин и Пожарский в советское время воспринимались как вожди народных масс, но сегодня смотрятся как выдающиеся патриотические личности; Александр I оказывается одной из ключевых фигур Отечественной войны 1812 года и заграничного похода; Кутузов выглядит главным героем войны 1812 года, но остается фактически без поддержки народных масс; памятник в Трептов-парке — это алле-

25. Кинг Д. Пропавшие комиссары. Фальсификация фотографий и произведений искусства в сталинской России. М.: Контакт-культура, 2005.

26. Показательно, что по первоначальному замыслу Главный храм вооруженных сил в парке «Патриот» в Московской области должна была украсить композиция «Бескровное присоединение Крыма в 2014 году» с изображением Владимира Путина, Сергея Шойгу и ряда других высших чиновников. Но после возникшего на этой почве скандала создатели храма от этой идеи отказались. См.: Шойгу и не его миллиарды — как и на что строили «храм войны». Непростая дорога к главному собору Минобороны // pasmi.ru, 06.05.2020. URL: https://pasmi.ru/archive/267841/?utm_referer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com.

гория (но если в советское время его воспринимали как олицетворение Красной армии, то сегодня он смотрится как былинный богатырь, спаситель народа). Такой же аллегорией служит и монументальный памятник солдату подо Ржевом.

Беседка была предназначена для скромных общественных нужд, для чего перед ней была оборудована обширная площадка с фонтаном, окруженная лавочками, тогда как на Боровицкой площади изначально никаких народных гуляний не предполагалось. Здесь время от времени проезжает — либо в Кремль, либо из него — президентский кортеж и проходят маршруты общественного транспорта. Очевидно, описанное выше обрамление площади рассчитано прежде всего на одного человека, едущего в своем президентском автомобиле.

Сегодня власть стремится забыть о революции, причем это — сознательная и агрессивная забывчивость²⁷, путь к которой был намечен еще в 1930-е годы²⁸ и получил новый импульс в 1970–1980-е²⁹. В 2017 году столетие революции официально никак не отмечалось. Стремление отодвинуть память о революции на периферию возникло еще в 1990-е годы. Тогда военный парад на Красной площади в честь Октябрьской революции был переименован в честь парада в 1941 году, а дата 7 ноября получила в 1996 году название «День согласия и примирения». С 1990-х годов власти начали внедрять отношение к революции как к абсолют-

27. Гудков Л. 1917 год в структуре легитимности российской власти // Неприкосновенный запас. 2017. № 6. С. 154–172; Он же. Разница в представлениях и политических установках между путинской элитой и основной массой населения оказалась ничтожной // Историческая экспертиза. 2021. № 1. С. 107; Калинин И. Призрак юбилея // Неприкосновенный запас. 2017. № 1. С. 11–20; Кустрова Э. Неудобный юбилей: столетие русской революции // Россия 2017: Ежегодный доклад Франко-российского аналитического центра Обсерво. М.: Новый век, 2017. С. 456–464; Малинова О. Ю. Неудобный юбилей: итоги переосмысления мифа «основания СССР» в официальном историческом нарративе РФ // Политическая наука. 2017. № 3. С. 13–40; Колоницкий Б., Мацкевич М. Десакрализация революции и антиреволюционный консенсус в современной России: юбилей 2017 года и его политическое использование/неиспользование // Мир России. 2018. № 4. С. 78–101; Мининков Н. Революция в России начала XX века как умирающее место исторической памяти // Новое прошлое. 2020. № 2. С. 102–114.

28. Добренко Е. Указ. соч. С. 58.

29. Weiner A. Making Sense of War: The Second World War and the Fate of the Bolshevik Revolution. Princeton, Oxford: Princeton University Press, 2001; Болтунова Е. «Пришла беда, откуда не ждали»: как война поглотила революцию // Неприкосновенный запас. 2017. № 6. С. 109–128.

ному злу, сломавшему правильное поступательное движение России.

Что предлагается вместо революции в качестве положительного образа? Общественности показывают вереницу царей на недавних исторических выставках в Манеже³⁰ (рис. 9) и Аллею правителей работы Зураба Церетели, открытую в 2017 году перед зданием РВИО в Москве (рис. 10)³¹. В советское время молодежь учили патриотизму на примере подвигов декабристов, народовольцев, большевиков, других революционеров. Пусть это были идеализированные и нередко мифологизированные образы, но они отвечали чаяниям народа. Им верили, так как они были близки и понятны массам. А идеализированные образы правителей и бесконечные телесериалы, посвященные царям, несут совсем другое послание. Между высшей знатью и народом — пропасть. С ее представителей невозможно брать пример, им можно только поклоняться, быть их подданными. Никакой понятной массам нравственной идеи здесь нет, как нет и осмысленного пути к будущему. Отсюда цинизм, развещающий как элиту, так и массы.

Специалисты уже отмечали архаизацию мышления и общественного дискурса, характерную для постсоветского периода³². Это соответствует сложившемуся сегодня режиму, который один аналитик называет «неолиберально-феодальным», делая акцент на том, что государство видит в искусстве исключительно средство пропаганды³³. Болгарский политолог Иван Крастев со ссылкой на «День опричника» Владимира Сорокина отмечает господствующие в современной России «теократическую реакцию» и уми-

30. Шнирельман В. Манеж 2013–2016: публичная история России для народа? Выставки в Манеже как инструментальный подход к истории // Историческая экспертиза. 2018. № 3. С. 92–116.

31. В начале 2021 г. появился план перенести московскую Аллею правителей в Пензу и поставить у здания епархии. И, хотя весной 2021 г. в Пензе раздавались протесты, в 2022 г. никакой Аллеи правителей на территории РВИО уже не было. Аналогичная Аллея правителей организована сегодня и в Нижнем Новгороде на территории Вознесенского Печерского мужского монастыря.

32. Банников К. Архаический синдром. О современности вневременного // Отечественные записки. 2013. № 1. С. 58–69; Архангельский А. Системная архаика вместо бессистемного модерна // Colta. 12.10.2015. URL: <https://colta.ru/articles/society/8824-sistemnaya-arhaika-vmesto-bessistemnogo-moderna>; Шеллин С. Наш путь — варваризация // Росбалт. 12.12.2015. URL: <https://rosbalt.ru/blogs/2015/12/12/1470681.html>.

33. Тойменцев С. Авторитаризм с человеческим лицом: советский герой в постсоветском байопике // Новое литературное обозрение. 2020. № 5.

ление средневековья³⁴. Действительно, мысли государственных пропагандистов и политтехнологов устремлены в прошлое. Они забыли о завоевании космоса, зато вспомнили о религии. Вспомнили и о царях, которые теперь воспринимаются позитивно в ореоле величия. По государственным телеканалам постоянно транслируются сериалы о дворцовой жизни, о семейной жизни монархов («Другие Романовы» и пр.), о героических победах императорской российской армии. Зато те исторические персонажи, которые в советское время рисовались борцами за свободу, теперь рассматриваются как бандиты и мятежники, не заслуживающие общественного внимания и тем более одобрения. Именно в такой нарратив и вплетается символика Боровицкой площади. Иными словами, культурные и научные достижения, о которых Владимир Путин говорил, первый раз вступая в должность президента РФ³⁵, к его третьей каденции были прочно забыты в угоду великодержавию, военной героике и суицидальному патриотизму. В течение второго десятилетия XXI века набор пригодных политических символов сформировался, и важнейшие из них находят место в символическом оформлении Боровицкой площади.

Что все это означает? Откуда такой повышенный интерес к великодержавию? Почему делается акцент на милитаризме? Почему возник гендерный дисбаланс? Все это — те самые традиционные ценности и «духовные скрепы», апелляция к которым была провозглашена в ходе консервативного поворота в первой половине 2010-х годов³⁶. Если в советское время риторика и символика апеллировали к воле народа и народовластию, то в постсоветский период эта тонкая вуаль была сброшена и за ней оказался хищный ав-

34. Шимов Я. «Дед нации» и преемники. Россия и Европа на четвертом сроке Путина // Радио Свобода*. 15.02.2018. URL: https://svoboda.org/a/29037222.htm?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com. (* Организация, признанная иностранным средством массовой информации, выполняющим функции иностранного агента.)

35. Малинова О. Проблема политически «пригодного» прошлого и эволюция официальной символической политики в постсоветской России // Политическая концептология. 2013. № 1. С. 122.

36. Tsygankov A. Crafting the State-Civilization Vladimir Putin's Turn to Distinct Values // Problems of Post-Communism. 2016. Vol. 63. № 3. P. 146–158; Linde F. State Civilization: the Statist Core of Vladimir Putin's Civilizational Discourse and its Implications for Russian Foreign Policy // Politics in Central Europe. 2016. Vol. 12. № 1. P. 21–35; *Idem*. The Civilizational Turn in Russian Political Discourse: From Pan-Europeanism to Civilizational Distinctiveness // Russian Review. 2016. Vol. 75. № 4. P. 604–625.

торитарный режим, уже не считавший нужным скрывать свои амбиции. Впрочем, судя по социологическим опросам, большинство россиян поддерживают укрепление вооруженных сил как соответствующее представлению о «Великой державе»³⁷. Отсюда и массовые настроения, отдающие предпочтение триумфу над трагедией. Хотя государственная идеология запрещена Конституцией РФ, сегодня она контрабандным путем конструируется апелляцией к традиционным ценностям и «духовным скрепам», выступающим в виде некоего «культурного (цивилизационного) кода», который иной раз называется даже «генетическим кодом». Одним из элементов этого кода оказывается и милитаризм, к которому годами приучали российское население³⁸.

Иными словами, вопрос об отборе и сортировке информации о прошлом, неизбежно рождает новые проблемы: кто именно и как ведет этот отбор, в каком контексте, с какой целью, что привлекает внимание, а что считается ненужным и предается забвению, как и почему все это интерпретируется и реинтерпретируется и как изменяется со временем. Важно, что детальный анализ такой исторической политики позволяет раскрыть такие намерения власти, которые сама она может и не озвучивать открыто, тщательно скрывая их от общественности.

37. Гудков Л. Баланс достижений и неудач Путина // Левада-Центр*. 08.04.2021. URL: <https://levada.ru/2021/04/08/balans-dostizhenij-i-neudach-putina>. (* Организация, признанная иностранным средством массовой информации, выполняющим функции иностранного агента.)

38. Левинсон А. Война не уходит // Ведомости. 21.06.2016. URL: <http://levada.ru/2016/06/21/vojna-ne-uhodit/>; Он же. В России предпочитают думать, что войны нет // Левада-Центр*. 04.03.2022. URL: <https://levada.ru/2022/03/04/v-rossii-predpochitayut-dumat-chto-voyny-net/>; Шнирельман В. Геополитика, катехон и новый иррационализм» на конференции «Между разумом и верой: секулярная и религиозная культуры в эпоху (пост)модерности». Доклад на XXVI Банных чтениях. Москва, 29–30 марта 2019 г. URL: https://youtube.com/watch?v=TGRqcVXh_hI; Волков Д. Путин уверен, что граждане России поддерживают признание ДНР и ЛНР. Но так ли это на самом деле? // Левада-Центр*. 24.02.2022 URL: <https://levada.ru/2022/02/24/putin-uveren-chto-grazhdane-rossii-podderzhivayut-priznanie-dnr-i-lnr-no-tak-li-eto-na-samom-dele-intervyu-denisa-volkova/>. (* Организация, признанная иностранным средством массовой информации, выполняющим функции иностранного агента.)

Библиография

- Андреевский Г. Сороковые годы. М.: Московский рабочий, 2001.
- Архангельский А. Системная архаика вместо бессистемного модерна // Colta. 12.10.2015. URL: <https://colta.ru/articles/society/8824-sistemnaya-arhaika-vместо-bessistemnogo-moderna>.
- Банников К. Архаический синдром. О современности вневременного // Отечественные записки. 2013. № 1. С. 58–69.
- Болтунова Е. «Пришла беда, откуда не ждали»: как война поглотила революцию // Неприкосновенный запас. 2017. № 6. С. 109–128.
- Бордюгов Г., Бухараев В. Национальная историческая мысль в условиях советского времени // Национальные истории в советском и постсоветских государствах. М.: АИРО-XX, 1999. С. 21–72.
- Быков В. Жестокая правда войны. Воспоминания пехотинца. М.: Родина, 2020.
- Волков Д. Путин уверен, что граждане России поддерживают признание ДНР и ЛНР. Но так ли это на самом деле? // Левада-Центр. 24.02.2022. URL: <http://levada.ru/2022/02/24/putin-uveren-chto-grazhdane-rossii-podderzhivayut-priznanie-dnr-i-lnr-no-tak-li-eto-na-samom-dele-intervyu-denis-a-volkova/>.
- Вольное историческое общество. Какое прошлое нужно будущему России. М.: ВИО, 2017.
- Ганелин Р. Сталин и советская историография предвоенных лет // Новый часовой. 1998. № 6–7. С. 102–103.
- Гудков Л. 1917 год в структуре легитимности российской власти // Неприкосновенный запас. 2017. № 6. С. 154–172.
- Гудков Л. Баланс достижений и неудач Путина // Левада-Центр. 08.04.2021. URL: <https://levada.ru/2021/04/08/balans-dostizhenij-i-neudach-putina>.
- Гудков Л. Массовая идентичность и институциональное насилие // Вестник общественного мнения. 2003. № 1. С. 28–44.
- Гудков Л. Разница в представлениях и политических установках между путинской элитой и основной массой населения оказалась ничтожной // Историческая экспертиза. 2021. № 1. С. 94–114.
- Давыдов И. История без лат. В защиту русской свободы и русской человечности // Московский центр Карнеги. 05.12.2016. URL: <http://carnegie.ru/commentary/?fa=66276>.
- День победы // Левада-Центр. 30.04.2019. URL: <https://levada.ru/2019/04/30/den-pobedy-3/>.
- Дивеевская тайна и предсказания о Воскрешении России. Преподобный Серафим Саровский Чудотворец. М.: Вече, 2010.
- Добренко Е. Поздний сталинизм. Эстетика политики. М.: Новое литературное обозрение, 2020. Т. 1.
- Дубровский А. Историк и власть. Историческая наука в СССР и концепция феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.). Брянск: Брянский гос. ун-т, 2005.
- Историческая политика в XXI веке. М.: Новое литературное обозрение, 2012.
- Миллер А. Политика памяти в посткоммунистической Европе и ее воздействие на европейскую культуру памяти // Полития. 2016. № 1. С. 111–121.
- Калинин И. Призрак юбилея // Неприкосновенный запас. 2017. № 1. С. 11–20.
- Кинг Д. Пропавшие комиссары. Фальсификация фотографий и произведений искусства в сталинской России. М.: Контакт-культура, 2005.
- Колоницкий Б., Мацкевич М. Десакрализация революции и антиреволюционный консенсус в современной России: юбилей 2017 года и его политическое использование/неиспользование // Мир России. 2018. № 4. С. 78–101.

- Копосов Н. Память старого режима: история и политика в России. М.: Новое литературное обозрение, 2011.
- Кустова Э. Неудобный юбилей: столетие русской революции//Россия 2017: Ежегодный доклад Франко-российского аналитического центра Обсерво. М.: Новый век, 2017. С. 456–464.
- Шнирельман В. Социальная память – вопросы теории//Историческая память и российская идентичность. М.: РАН, 2018. С. 12–24.
- Коржавин Н. В соблазнах кровавой эпохи//Новый мир. 1992. № 7. С. 154–212.
- Костырченко Г. В плену у красного фараона. М.: Международные отношения, 1994.
- Костырченко Г. Сталин против «космополитов». Власть и еврейская интеллигенция в СССР. М.: РОССПЭН, 2010.
- Левинсон А. В России предпочитают думать, что войны нет//Левада-Центр. 04.03.2022. URL: <https://levada.ru/2022/03/04/v-rossii-predpochitayut-dumat-chto-voyny-net/>.
- Левинсон А. Война не уходит//Левада-Центр. 21.06.2016. URL: <http://levada.ru/2016/06/21/vojna-ne-uhodit/>.
- Льюис С. «Партизанская республика»: колониальные мифы и война за память в Беларуси//Новое литературное обозрение. 2020. № 6. С. 350–371.
- Малинова О. Проблема политически «пригодного» прошлого и эволюция официальной символической политики в постсоветской России//Политическая концептология. 2013. № 1. С. 114–130.
- Малинова О. Ю. Неудобный юбилей: итоги переосмысления мифа «основания СССР» в официальном историческом нарративе РФ//Политическая наука. 2017. № 3. С. 13–40.
- Мининков Н. Революция в России начала XX века как умирающее место исторической памяти//Новое прошлое. 2020. № 2. С. 102–114.
- Открытие Ржевского мемориала Советскому солдату//Президент России. 30.06.2020. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/63585>.
- Поселянин Е. Н. Преподобный Серафим, Саровский чудотворец и русские подвижники XIX века. М.: Аксиос, 2003. С. 122–127.
- Тойменцев С. Авторитаризм с человеческим лицом: советский герой в постсоветском байопике//Новое литературное обозрение. 2020. № 5. С. 129–147.
- Шимов Я. «Дед нации» и преемники. Россия и Европа на четвертом сроке Путина//Радио Свобода. 15.02.2018. URL: <http://svoboda.org/a/29037222.html>.
- Шнирельман В. Геополитика, катехон и новый иррационализм. Конференция «Между разумом и верой: секулярная и религиозная культуры в эпоху (пост)модерности». Доклад на XXVI Банных чтениях. Москва, 29–30 марта 2019 г. URL: http://youtube.com/watch?v=TGRqcvXh_hI.
- Шнирельман В. Манеж 2013–2016: публичная история России для народа? Выставки в Манеже как инструментальный подход к истории//Историческая экспертиза. 2018. № 3. С. 92–116.
- Шелин С. Наш путь – варваризация//Росбалт. 12.12.2015. URL: <http://rosbalt.ru/blogs/2015/12/12/1470681.html>.
- Шойгу и не его миллиарды – как и на что строили «храм войны». Непростая дорога к главному собору Минобороны//pismi.ru. 06.05.2020. URL: http://pismi.ru/archive/267841/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com.
- Giesen B. Triumph and Trauma. Boulder, CO; L.: Paradigm Publishers, 2004.
- Gill G. Symbolism and Regime Change: Russia. Cambridge: Cambridge University Press, 2013.
- Laruelle M. Accusing Russia of Fascism. Polemics around Russia's Belonging to Europe//Russia in Global Affairs. 2020. Vol. 18. №. 4. P. 100–123.
- Linde F. State Civilization: the Statist Core of Vladimir Putin's Civilizational Discourse and its Implications for Russian Foreign Policy//Politics in Central Europe. 2016. Vol. 12. № 1. P. 21–35.

- Linde F. The Civilizational Turn in Russian Political Discourse: From Pan-Europeanism to Civilizational Distinctiveness//Russian Review. 2016. Vol. 75. № 4. P. 604–625.
- Nora P. Between Memory and History: Les Lieux de Mémoire//Representations. 1989. Vol. 26. P. 7–24.
- Shteynman M. Political Myth and Political Glory: Shaping Media Reality//Russian Sociological Review. 2016. Vol. 15. № 4. P. 96–113.
- Sperling V. Putin's macho personality cult//Communist and Post-Communist Studies. 2016. Vol. 49. № 1. P. 13–23.
- Tsygankov A. Crafting the State-Civilization Vladimir Putin's Turn to Distinct Values//Problems of Post-Communism. 2016. Vol. 63. № 3. P. 146–158.
- Van Ree E. Heroes and Merchants. Stalin's Understanding of National Character//Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2007. Vol. 8. № 1. P. 41–65.
- Weiner A. Making Sense of War: The Second World War and the Fate of the Bolshevik Revolution. Princeton, Oxford: Princeton University Press, 2001.

Great Dates, or How State Policies of Remembrance Construct History

Victor Schnirelmann. Institute of Anthropology and Ethnography (IAE), Moscow, Russia, shnirv@mail.ru.

The main patron and actor in the politics of memorials is the state. It is the state that takes care of compiling a standard list of significant historical events and significant historical figures.

In this regard, the following questions arise. How did the set of historical events that were to be perpetuated and propagandised look in Soviet and post-Soviet times? How and by what criteria was the selection of historical personalities and events made? What features of state policy put the emphasis on these images? How did this memorial policy express the attitude of the authorities to the role of individual and collective in history? How did they reflect the gender element? Finally, what influence did the attitude of the authorities to religion have on the process of memorialisation?

Vivid examples of the official policy of memory are the gazebo in Neskuchny Gardens, which was erected in 1951 in honour of the 800th anniversary of Moscow, and the design of Borovitsky Square with the adjacent Alexander Gardens, which appeared already in the 2010s. What are the similarities and differences between these two examples of memorial policy? It is shown that they share an emphasis on solving political problems with the help of the armed forces (war or revolution), a pronounced masculinity and emphasis on great military victories. This, of course, indicates the government's positive attitude to war, the military, and the militarisation of history. These monuments are distinguished by their respective attitudes toward history, religion, revolution, war and the role of the masses in history as well as how exactly this characterises the politics of these two different states. These examples serve to explicate Soviet and post-Soviet memorial cultures. Emphasis is placed on the archaisation of thinking and public discourse characteristic of the post-Soviet period.

Keywords: *politics of memorials; Russia; Moscow; historical figures; gender; war.*

DOI: 10.58186/2782-3660-2022-2-5-124-151

References

- Andreevskii G. *Sorokovye gody* [1940s], Moscow, Moskovskii rabochii, 2001.
- Arkhangel'skii A. Sistemnaya arkhika vmesto bessistemnogo moderna [Systemic Archaicism Instead of Unsystematic Modernity]. *Colta*, October 12, 2015. URL: <https://colta.ru/articles/society/8824-sistemnaya-arhika-vmesto-bessistemnogo-moderna>.
- Bannikov K. Arkhaicheskii sindrom. O sovremennosti vnevremennogo [Archaic Syndrome. On Contemporariness of Extratemporal]. *Otechestvennye zapiski* [Domestic Notes], 2013, no. 1, pp. 58–69.
- Boltunova E. “Prishla beda, otkuda ne zhdali”: kak voina poglotila revolyutsiyu [“Trouble Came Whence It Was Not Expected”: How War Swallowed Up the Revolution]. *Neprikosnovennyi zapas* [Reserve Stock: Debates on Politics and Culture], 2017, no. 6, pp. 109–128.
- Bordyugov G., Bukharaev V. Natsional'naya istoricheskaya mysl' v usloviyakh sovetskogo vremeni [National Historical Thought in the Conditions of the Soviet Time]. *Natsional'nye istorii v sovetskom i postsovetskikh gosudarstvakh* [National Histories in Soviet and Post-Soviet States], Moscow, AIRO-XX, 1999, pp. 21–72.
- Bykov V. *Zhestokaya pravda voiny. Vospominaniya pekhotintsy* [The Brutal Truth of War. Memories of an Infantryman], Moscow, Rodina, 2020.
- Davydov I. Istoriya bez lat. V zashchitu russkoi svobody i russkoi chelovechnosti [History Without Armor. In Defense of Russian Freedom and Russian Humanity]. *Moskovskii tsentr Karnegi* [Moscow Carnegie Center], December 5, 2016. URL: <http://carnegie.ru/commentary/?fa=66276>.
- Den' pobedy [Victory Day]. *Levada-Center*, April 30, 2019. URL: <https://levada.ru/2019/04/30/den-pobedy-3/>.
- Dobrenko E. *Pozdnii stalinizm. Estetika politiki* [Late Stalinism: The Aesthetics of Politics], Moscow, New Literary Observer, 2020, vol. 1.
- Dubrovskii A. *Istori i vlast'. Istoricheskaya nauka v SSSR i kontseptsiya feodal'noi Rossii v kontekste politiki i ideologii (1930–1950-e gg.)* [Historian and Power: Historical Science in the USSR and the Concept of the History of Feudal Russia in the Context of Politics and Ideology (1930–1950s)], Bryansk, Bryanskii gos. un-t, 2005.
- Ganelin R. Stalin i sovetskaya istoriografiya predvoennykh let [Stalin and the Soviet Historiography of the Prewar Years]. *Novyi chasovoi* [New Minuteman], 1998, no. 6–7, pp. 102–103.
- Giesen B. *Triumph and Trauma*, Boulder, CO, London, Paradigm Publishers, 2004.
- Gill G. *Symbolism and Regime Change: Russia*, Cambridge, Cambridge University Press, 2013.
- Gudkov L. 1917 god v strukture legitimnosti rossiiskoi vlasti [1917 in the Structure of the Legitimacy of the Russian Government]. *Neprikosnovennyi zapas* [Reserve Stock: Debates on Politics and Culture], 2017, no. 6, pp. 154–172.
- Gudkov L. Balans dostizhenii i neudach Putina [Putin's Balance of Achievements/Failures]. *Levada-Center*, April 8, 2021. URL: <https://levada.ru/2021/04/08/balans-dostizhenij-i-neudach-putina>.
- Gudkov L. Massovaya identichnost' i institutsional'noe nasilie [Mass Identity and Institutional Violence]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya* [The Russian Public Opinion Herald], 2003, no. 1, pp. 28–44.
- Gudkov L. Raznitsa v predstavleniyakh i politicheskikh ustanovkakh mezhdutinskoi elitoy i osnovnoi massoi naseleniya okazalas' nichtozhnoi [The Discrepancy in Perception and Attitudes Between the Putin's Elites and the Mass of the Population Was Negligible]. *Istoricheskaya ekspertiza* [Historical Expertise], 2021, no. 1, pp. 94–114.
- Istoricheskaya politika v XXI veke* [Historical Politics in the XXI century], Moscow, New Literary Observer, 2012.

- Kalinin I. Prizrak yubiley [The Ghost of the Jubilee]. *Neprikosnovennyi zapas* [Reserve Stock: Debates on Politics and Culture], 2017, no. 1, pp. 11–20.
- King D. *Propavshie komissary. Fal'sifikatsiya fotografii i proizvedenii iskusstva v stalin-skoi Rossii* [Missing Commissars. Falsification of Photographs and Works of Art in Stalinist Russia], Moscow, Kontakt-kul'tura, 2005.
- Kolonitskii B., Matskevich M. Desakralizatsiya revolyutsii i antirevolyutsionnyi konsensus v sovremennoi Rossii: yubilei 2017 goda i ego politicheskoe is-pol'zovanie/neispol'zovanie [Desacralization of Revolution and Anti-Revo-lutionary Consensus in Modern Russia: The 2017 Jubilee and its Political Execution/Non-Execution]. *Mir Rossii* [World of Russia], 2018, no. 4, pp. 78–101.
- Koposov N. *Pamyat' starogo rezhima: istoriya i politika v Rossii* [Memory of the Old Regime: History and Politics in Russia], Moscow, New Literary Observer, 2011.
- Korzhavin N. V soblazzakh krovavoi epokhi [In the Temptations of a Bloody Era]. *Novyi mir* [New World], 1992, no. 7, pp. 154–212.
- Kostyrchenko G. *Stalin protiv "kosmopolitov". Vlast' i evreiskaya intelligentsiya v SSSR* [Stalin versus "Cosmopolitans". Power and the Jewish Intelligentsia in the USSR], Moscow, ROSSPEN, 2010.
- Kostyrchenko G. *V plenu u krasnogo faraona* [Captive of the Red Pharaoh], Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 1994.
- Kustova E. Neudobnyi yubilei: stoletie russkoi revolyutsii [Inconvenient Anni-versary: the Centennial of the Russian Revolution]. *Rossiya 2017: Ezhegodnyi doklad Franko-rossiiskogo analiticheskogo tsentra Observo* [Russia 2017: Obser-vo French-Russian Analytical Center Annual Report], Moscow, Novyi vek, 2017, pp. 456–464.
- L'yuis S. "Partizanskaya respublika": kolonial'nye mify i voina za pamyat' v Bela-rusi [The "Partisan Republic": Colonial Myths and Memory Wars in Belarus]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer], 2020, no. 6, pp. 350–371.
- Laruelle M. Accusing Russia of Fascism. Polemics around Russia's Belonging to Europe. *Russia in Global Affairs*, 2020, vol. 18, no. 4, pp. 100–123.
- Levinson A. V Rossii predpochitayut dumat', chto voiny net [In Russia They Prefer to Think That There Is No War]. *Levada-Center*, March 4, 2022. URL: <https://levada.ru/2022/03/04/v-rossii-predpochitayut-dumat'-chto-voiny-net/>.
- Levinson A. Voina ne ukhodit [The War Is Not Going Away]. *Levada-Center*, June 21, 2016. URL: <http://levada.ru/2016/06/21/vojna-ne-uhodit/>.
- Linde F. State Civilization: the Statist Core of Vladimir Putin's Civilizational Dis-course and its Implications for Russian Foreign Policy. *Politics in Central Eu-rope*, 2016, vol. 12, no. 1, pp. 21–35.
- Linde F. The Civilizational Turn in Russian Political Discourse: From Pan-Eu-ropeanism to Civilizational Distinctiveness. *Russian Review*, 2016, vol. 75, no. 4, pp. 604–625.
- Malinova O. Problema politicheskoi "prigodnogo" proshlogo i evolyutsiya ofitsi-al'noi simvolicheskoi politiki v postsovetskoi Rossii [The Problem of a Po-litically "Fit" Past and the Evolution of Official Symbolic Politics in Post-So-viet Russia]. *Politicheskaya kontseptologiya* [Political Conceptology], 2013, no. 1, pp. 114–130.
- Malinova O. Yu. Neudobnyi yubilei: itogi pereosmysleniya mifa "osnovaniya SSSR" v ofitsial'nom istoricheskom narrative RF [Inconvenient Anniversary: The Results of Rethinking the Myth of the "Founding of the USSR" in the Of-ficial Historical Narrative of the Russian Federation]. *Politicheskaya nauka* [Po-litical Science], 2017, no. 3, pp. 13–40.
- Miller A. Politika pamyati v postkommunisticheskoi Evrope i ee vozdeistvie na evropeiskuyu kul'turu pamyati [Politics of Memory in Post-Communist Eu-rope and Its Impact on the European Culture of Memory]. *Politiya* [Politeia], 2016, no. 1, pp. 111–121.

- Mininkov N. Revolyutsiya v Rossii nachala XX veka kak umirayushchee mesto istoricheskoi pamyati [Revolution in Russia at the Beginning of the 20th Century as A Dying Place of Historical Memory]. *Novoe proshloe* [The New Past], 2020, no. 2, pp. 102–114.
- Nora P. Between Memory and History: Les Lieux de Mémoire. *Representations*, 1989, vol. 26, pp. 7–24.
- Otkrytie Rzhevskogo memoriala Sovetskomu soldatu [Opening of the Rzhev Memorial to the Soviet Soldier]. *Prezident Rossii* [President of Russia], June 30, 2020. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/63585>.
- Poselyanin E. N. *Prepodobnyi Serafim, Sarovskii chudotvorets i russkie podvizhniki XIX veka* [Venerable Seraphim, the Miracle Worker of Sarov and Russian Ascetics of the 19th Century], Moscow, Aksios, 2003.
- Reverend Serafim of Sarov Chudotvorets. *Diveevskaya taina i predskazaniya o Voskreshenii Rossii* [Diveevsky: Mystery and Prophecy of the Resurrection of Russia], Moscow, Veche, 2010.
- Schnirelmann V. Geopolitika, katekhon i novyi irratsionalizm. Paper delivered at XXVI Bathroom Readings, on the conference “Mezhdru razumom i veroi: svetskaya i religioznaya kul'tury v epokhu (post)modernosti” [Between Reason and Faith: Secular and Religious Cultures in (Post)modern Age]. Moscow, March 29–30, 2009. URL: http://youtube.com/watch?v=T-GRqcVXh_hI.
- Schnirelmann V. Manezh 2013–2016: publichnaya istoriya Rossii dlya naroda? Vystavki v Manezhe kak instrumental'nyi podkhod k istorii [Manege 2013–2016: A Public History of Russia for the People? Manege Exhibitions as an Instrumental Approach to History]. *Istoricheskaya ekspertiza* [Historical Expertise], 2018, no. 3, pp. 92–116.
- Schnirelmann V. Sotsial'naya pamyat' – voprosy teorii [Social Memory – Questions of Theory]. In: *Istoricheskaya pamyat' i rossiiskaya identichnost'* [Historical memory and Russian Identity], Moscow, RAS, 2018, pp. 12–24.
- Shelin S. Nash put' – varvarizatsiya [Our Path Is That of Barbarisation]. *Rosbalt*, December 12, 2015. URL: <http://rosbalt.ru/blogs/2015/12/12/1470681.html>.
- Shimov Ya. “Ded natsii” i preemniki. Rossiya i Evropa na chetvertom sroke Putina [“Grandfather of the Nation” and the Successors. Russia and Europe During Putin's 4th Term]. *Radio Svoboda*, February 15, 2018. URL: <http://svoboda.org/a/29037222.html>.
- Shoigu i ne ego milliardy – kak i na chto stroili “khram voiny”. Neprostaya doroga k glavnomu soboru Minoborony [Shoigu and That Billions Which Do Not Belong to Him – How and with What Funds the “Temple of War” Was Built. The Difficult Road to the Main Cathedral of the Ministry of Defense]. *pasmi.ru*, May 6, 2020. URL: <http://pasmi.ru/archive/267841/>.
- Shteynman M. Political Myth and Political Glory: Shaping Media Reality. *Russian Sociological Review*, 2016, vol. 15, no. 4, pp. 96–113.
- Sperling V. Putin's macho personality cult. *Communist and Post-Communist Studies*, 2016, vol. 49, no. 1, pp. 13–23.
- Toimentsev S. Avtoritarizm s chelovecheskim litsom: sovetiskii geroi v postsovetiskom baiopike [Authoritarianism with a Human Face: The Soviet Hero in the Post-Soviet Biopic]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer], 2020, no. 5, pp. 129–147.
- Tsygankov A. Crafting the State-Civilization Vladimir Putin's Turn to Distinct Values. *Problems of Post-Communism*, 2016, vol. 63, no. 3, pp. 146–158.
- Van Ree E. Heroes and Merchants. Stalin's Understanding of National Character. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 2007, vol. 8, no. 1, pp. 41–65.
- Vol'noe istoricheskoe obshchestvo. *Kakoe proshloe nuzhno budushchemu Rossii* [The Free Historical Society. What Kind of Past Does Russia's Future Need], Moscow, VIO, 2017.

Volkov D. Putin uveren, chto grazhdane Rossii podderzhivayut priznanie DNR i LNR. No tak li eto na samom dele? [Putin is Sure that Russian Citizens Support the Recognition of the DPR and LPR. But is this really the case?]. *Levada-Center*, February 24, 2022. URL: <http://levada.ru/2022/02/24/putin-uver-en-cto-grazhdane-rossii-podderzhivayut-priznanie-dnr-i-lnr-no-tak-li-eto-na-samom-dele-intervyu-denisa-volkova/>.

Weiner A. *Making Sense of War: The Second World War and the Fate of the Bolshevik Revolution*, Princeton, Oxford, Princeton University Press, 2001.